

ББК 63.644(2)7

А.М. Илюшин

**Об использовании огня в погребальном обряде
средневекового населения Кузнецкой котловины
(по материалам раскопок курганной группы
Мусохраново-1)**

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, курганы, развитое Средневековье, огонь, погребальный обряд.
Key words: Kuznetsk hollow, the barrows, the advanced Middle Ages, fire, funeral ceremony.

Умение добывать огонь и пользоваться им является одним из самых ярких и однозначных признаков, отличающих человека от животных. Это умение было сформировано в глубокой древности и в последующие исторические периоды наполнилось различными смыслами и стало проявляться у разных этносов в форме различных народных поверий, религиозных обрядов и запретов, связанных с огнем. Традиция почитания огня изначально была связана с олицетворением его с чистой и очищающей стихией. Видимо, поэтому во всех древних цивилизациях Востока и античного мира происходит идеологическое и символическое объединение значения огня, выраженное в персонажах конкретных богов, имеющих высокий статус в божественных пантеонах. В это же время появляются представления о жертвенном огне, который выполняет важную культовую функцию вестника – доносить до небесных богов пламя и дым приносимой жертвы. С крушением первых цивилизаций пали их боги. На смену им пришли новые религиозные представления, но во многих ритуалах функции огня остались. Особенно ярко это проявляется в погребальных обрядах у язычников, к числу которых можно относить средневековое население Кузнецкой котловины. Именуемая археологическая классификация элементов погребального обряда средневековых памятников Кузнецкой котловины содержит большое разнообразие типов-признаков, которые свидетельствуют о фактах применения огня в конструкциях курганных насыпей, в околочурганых сооружениях и могилах. Эти артефакты представлены побывавшими в огне находками, скоплениями и единичными древесными углями, прокалами площадок, остатками погребальных костров или крематориев, обожженными костями животных, а также единично фиксируемыми мелкими кальцинированными косточками, обожженными массивными срубками и настилами, фрагментами обожженных бересты и деревянных плах и крицы. Присутствие следов огня в ритуальных действиях при совершении погребального обряда на многих памятниках подчеркивает высокую значимость огня в повседневной и культовой практике у отдельных этнографических групп и общностей средневекового населения Кузнецкой котловины. Выявленные

артефакты позволяют предварительно интерпретировать использование огня в погребальном обряде как проявление очищения ритуальных действий и оберег, разделяющий два мира, – реальный и потусторонний. Для более полного раскрытия содержания этого явления в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины большую роль играют новые археологические источники. Летом 2008 года Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция (ККАЭЭ) Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета проводила аварийные раскопки на курганной группе Мусохраново-1 в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области [1, с. 84–91]. В результате этих раскопок был получен большой комплекс источников для изучения материальной и духовной культуры средневекового населения Кузнецкой котловины и такого вопроса, как использование огня в погребальном обряде. Цель настоящей статьи – ввести в широкий научный оборот результаты этих раскопок и исследовать новые материалы на предмет семантической функции огня в погребальном обряде.

Археологический памятник курганная группа Мусохраново-1 расположен в 0,4 км на восток от с. Мусохраново на первой надпойменной террасе левого берега реки Касьмы (рис. 1). Памятник был открыт в 1958 г. А.И. Мартыновым [2, с. 72] и обследован в 1988 г. М.Г. Сулейменовым, а также в 1991, 1992, 1995 и 2008 г. А.М. Илюшиным [1, с. 84; 3, с. 38]. Курганная группа состояла из семи сильно задернованных земляных насыпей округлой и овальной формы вытянутых цепочкой с ЮЮВ на ССЗ. В 1995 г. были проведены аварийные раскопки курганов 1 и 2. В раскопанных курганах были исследованы семь могил, которые, как и памятник в целом, предварительно были датированы в пределах XI–XII–XIII вв. [3, с. 38; 4, с. 25–27]. В 2008 г. были проведены аварийные раскопки кургана 3, который был частично разрушен (рис. 2).

Курган 3 располагался в центральной части памятника. Внешне это округлая земляная, сильно задернованная насыпь диаметром 13 м и высотой 0,53 м, северная пола которой была срезана лезвием бульдозера при прокладке грунтовой дороги. Насыпь кургана на 0,92 м возвышалась над уровнем материка (светло-серый суглинок) и состояла из слоя дёрна 0,22–0,25 м, чернозёма 0,12–0,45 м и серого суглинка (погребённой почвы) 0,07–0,15 м. В процессе рас-

копок насыпи и зачистки бровки в центральной части кургана на глубине 0,26–0,92 м была зафиксирована линза из прокаленного грунта (суглинок и чернозем) красного цвета и единичных мелких древесных углей. Линза прокала имела овальную форму размерами 8,61 x 6,78 м и была ориентирована длинной осью по линии ЮЮЗ-ССВ. В центральной части насыпи в прокале на глубине 0,45–0,51 м были зафиксированы остатки деревянного (соснового) сруба четырехугольной формы размерами 5,97 x 5,25 м, который был ориентирован стенками по сторонам света с небольшим смещением, а длинной осью по линии Ю-С. Северная стенка сруба сохранилась в трех фрагментах обгоревших бревен длиной 3,82, 2,03, 0,7 м и диаметром 0,23, 0,2, 0,17 м. Западная стенка сохранилась в трех фрагментах обгоревших бревен длиной 0,72, 1,03, 0,45 м и диаметром 0,15, 0,21, 0,18 м. Южная стенка сохранилась в одном фрагменте обгоревшего бревна длиной 4,32 м и диаметром 0,21 м. Восточная стенка сохранилась в шести фрагментах обгоревших бревен длиной 3,42, 3,42, 2,06, 2,06, 0,7, 0,75 м и диаметром 0,24, 0,16, 0,25, 0,23, 0,17, 0,18 м. Судя по количеству фрагментов бревен, сохранившихся в западной, северной и восточной стенках деревянной конструкции, можно предполагать, что сосновый сруб первоначально состоял из трех или четырех венцов. В СВ углу сохранились фрагменты бревен, которые указывают на систему их крепления в так называемую охряпку, когда в месте крепления рубились с двух сторон пазы, и бревна соединялись между собой этими пазами [5, рис. 69.-4]. В восточной стенке сруба имелся проход шириной 1 м (рис. 3). На всех бревнах сруба зафиксированы следы огня, который стал причиной его сильного разрушения. Это обстоятельство, как и наличие мощного прокала, позволяет предполагать, что насыпь кургана была сооружена во время горения сруба. В насыпи кургана была зафиксирована одна могила. Приводим её описание.

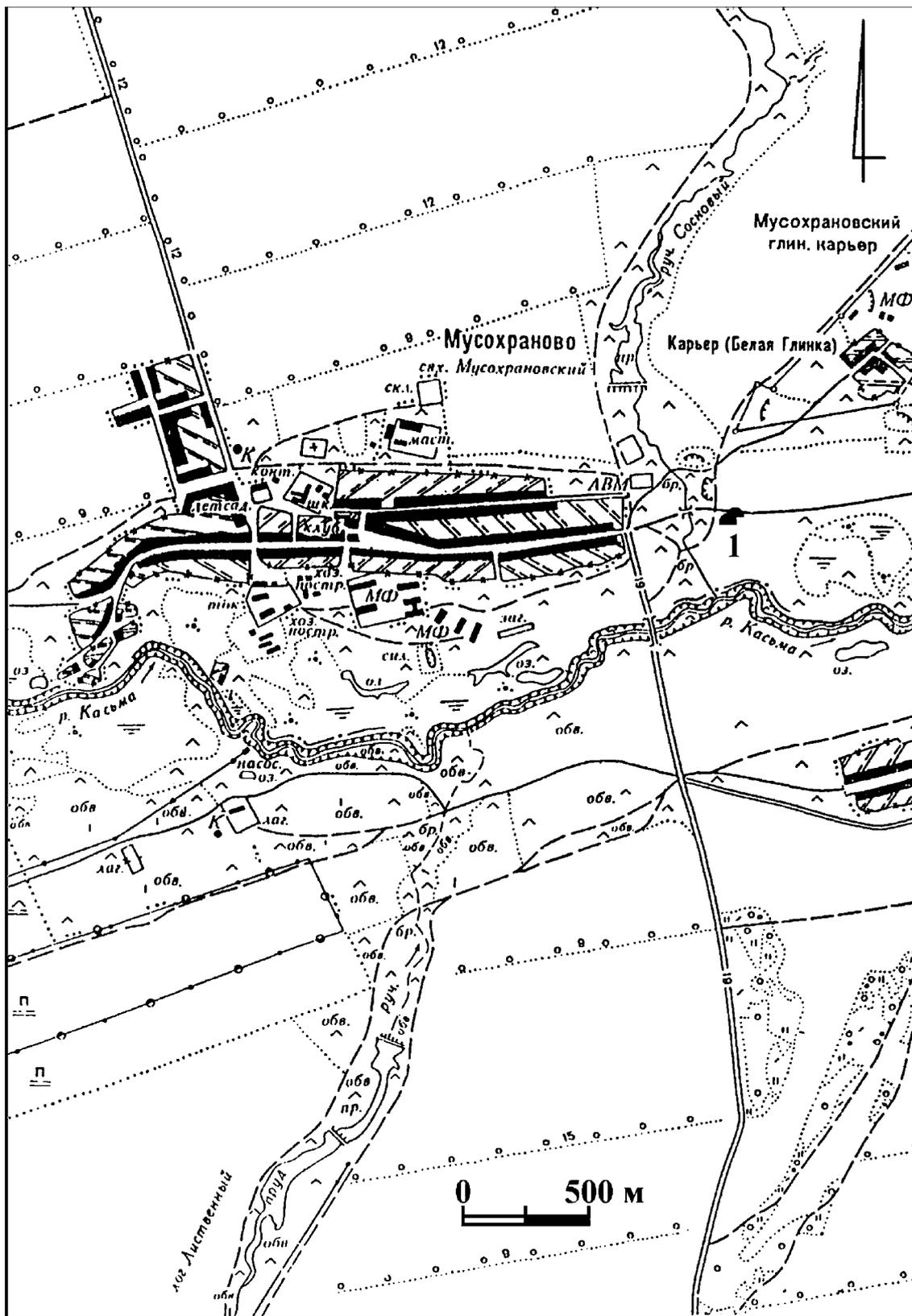
Могила 1 – наземная, овальной формы, расположена в центре сруба, на глубине 0,65–0,70 м. Размеры могилы – 2,78 x 2,43 м, длинной осью ориентирована по линии ЮЗ-СВ (рис. 3). По всей площади могилы зафиксированы сильно кальцинированные кости человека и лошади. В ЮЗ части могилы на глубине 0,74 м в норке сурка была выявлена фаланга пальца ноги человека, рядом с которой на глубине 0,7 м были найдены железная сковорода и фрагмент бронзового зеркала (рис. 3; 4.-1; 5.-2), которое располагалось под днищем сковороды, и было покрыто материей, сгоревшей в пламени огня. В СЗ части могилы на глубине 0,70 м были найдены сильно обгоревшие фрагменты черепа лошади (конечные части нижней и верхней челюстей). В передних зубах лошади были найдены фрагменты железных удил с псалями (рис. 3; 5.-3), а рядом с остатками костей черепа лошади на глубине 0,67-0,7 м были найдены две бронзовые пряжки и 14

бляшек различных форм, украшенных рельефным орнаментом (рис. 3; 6.-4-9; 7.-10-19). При разборке и зачистке могилы по всей площади встречались следы прогоревшего железа и бронзы в виде шлаков разной формы и величины, которые вместе с суглинком зачастую представляли собой единую кирпичную массу.

Выявленные артефакты позволяют предполагать, что в наземной могиле (которая могла быть углублена в древнюю дневную поверхность на 0,16–0,20 м. – А.И.) были погребены всадник и лошадь. Человек лежал в южной части могилы и был ориентирован головой на СВ, а лошадь была уложена в северной части могилы и была ориентирована головой на ЮЗ. По сохранившимся останкам можно констатировать, что захоронение всадника с лошадью было совершено по обряду сожжения (или трупобожжения!?) на месте погребения и было засыпано грунтом в процессе горения погребального костра.

После разборки могилы была проведена зачистка всей площади раскопа на уровне материка, но в процессе этой работы каких-либо других конструкций и артефактов обнаружено не было. Оценивая результаты аварийных раскопок на курганной группе Мусохраново-1 в 2008 г. можно констатировать, что были получены материалы, которые позволяют сделать ряд интересных историко-культурологических наблюдений и выводов относительно самого памятника, а также элементов погребального обряда, предметов материальной и духовной культуры и мировоззрения средневекового населения Кузнецкой котловины.

Среди находок необходимо указать на уникальность таких изделий, как железная сковорода (жаровня) и бронзовое зеркало, которые были найдены вместе (рис. 3; 4.-1; 5.-2). Такие предметы в материальной культуре средневекового населения Кузнецкой котловины ранее не были известны. Железная, неоднократно отремонтированная сковорода при помощи накладок из железных пластин и клепок, которые хорошо фиксируются на её корпусе (рис. 4.-1), не имеет аналогий и на сопредельных территориях. Не известны нам аналогии и бронзовому зеркалу (рис. 5.-2). Можно указать лишь на то, что рисунок орнамента зеркала представляет собой изображения птиц, сидящих на ветви растения. Такой сюжет был широко распространен на китайских свадебных зеркалах эпохи Тан, а на территории Южной Сибири такой сюжет имел место в период Тюркских каганатов и кыргызского великодержавия (VI – середина X в.) и домонгольский период истории (середина X в. – начало XIII в.) [6, с. 7-34]. Бронзовые и полиметаллические зеркала в Средневековье относились к очень важным атрибутам из числа женских аксессуаров. По мнению Б.А. Литвинского, смысл того, что поломанное зеркало было положено в могилу, у кочевников Центральной и Средней Азии заключался в том, что по оставшейся у живого родственника или супруга части зеркала он мог впоследствии найти в загробном мире близкого человека [7, с. 108].

1 – курганный группа Муохраново-1

Рис. 1. Фрагмент карты землепользования с обозначением месторасположения курганный группы Муохраново-1

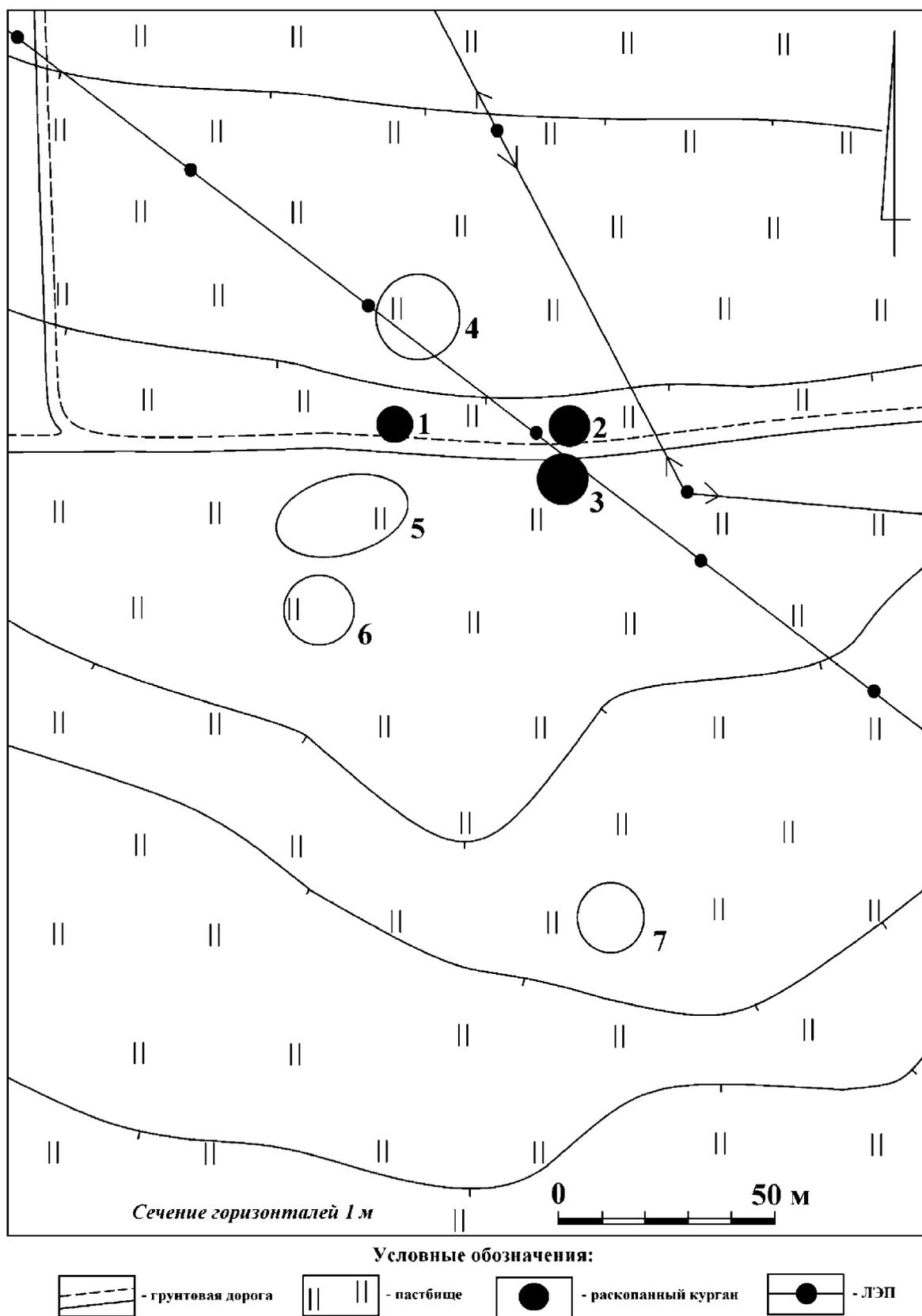
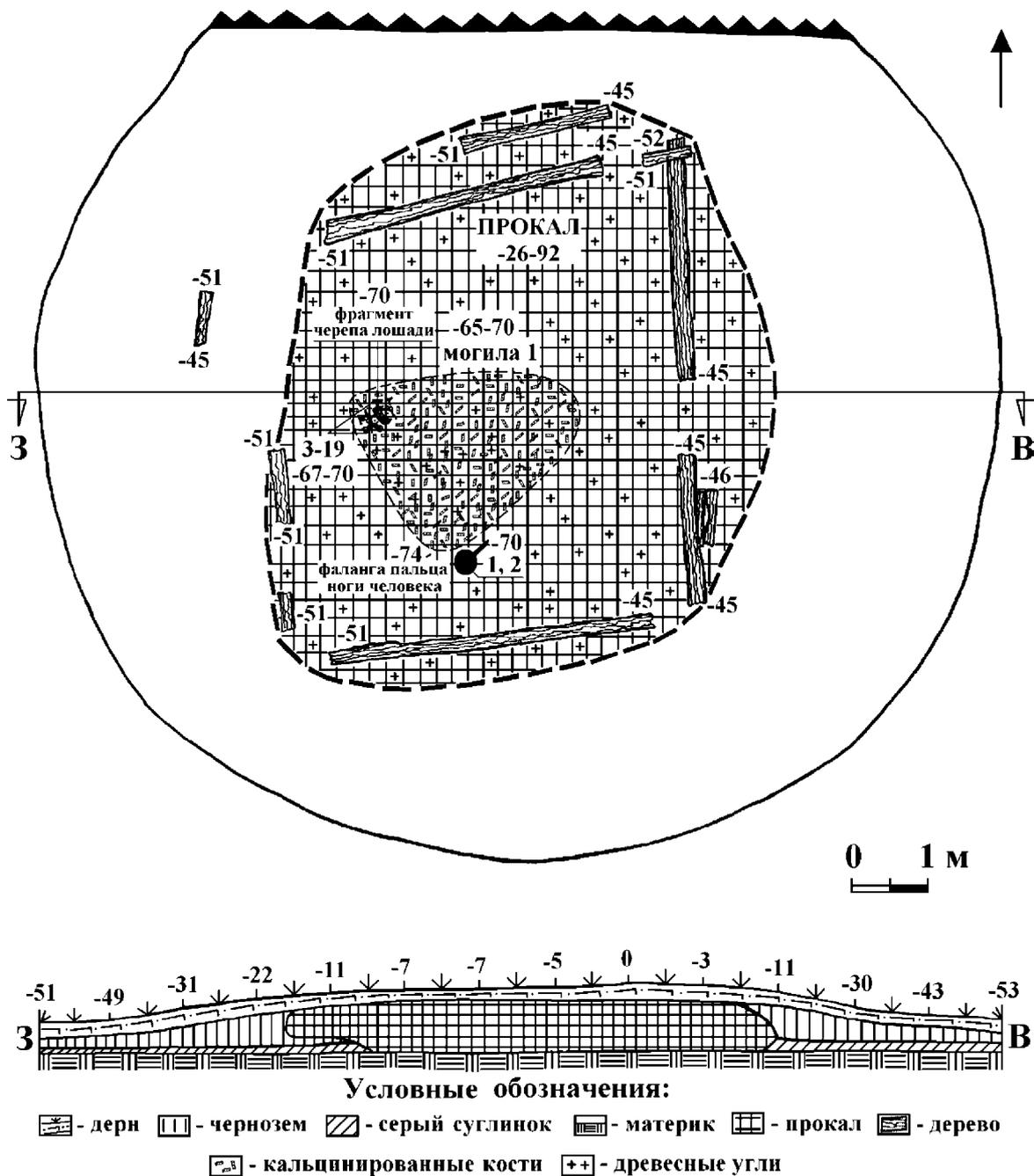

Рис. 2. План-схема курганной группы Мусохраново-1

Находки:
 1 – сковорода, 2 – фрагмент зеркала, 3 – удила с псалями, 4–7, 10–19 – бляхи,
 8, 9 – пряжки; 1, 3 – железо, 2, 4–19 – бронза

Рис. 3. Курганная группа Мусохраново-1.
 План и профиль насыпи кургана 3

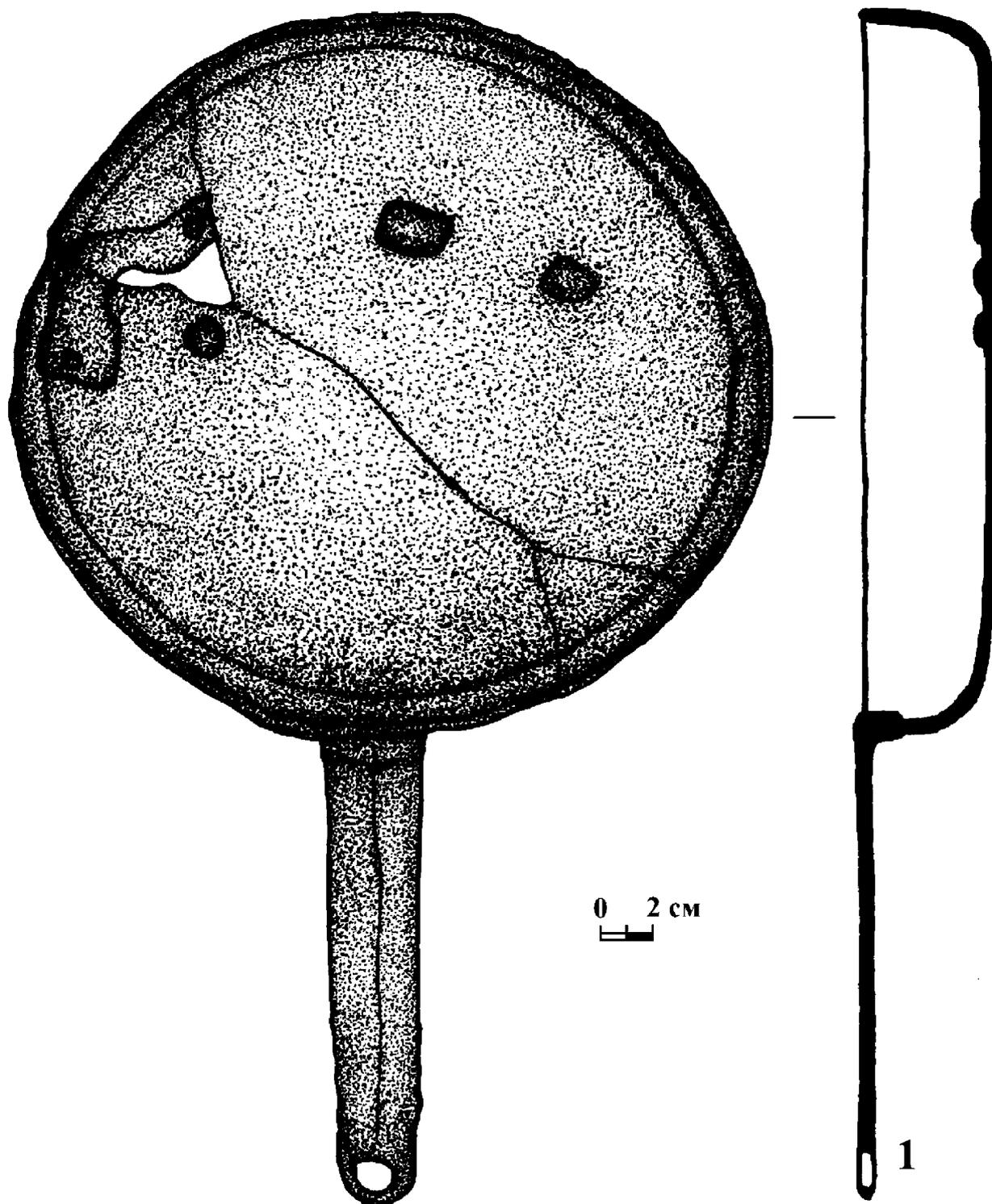

Рис. 4. Курганная группа Мусохраново-1. Курган 3: 1 – сковорода; железо

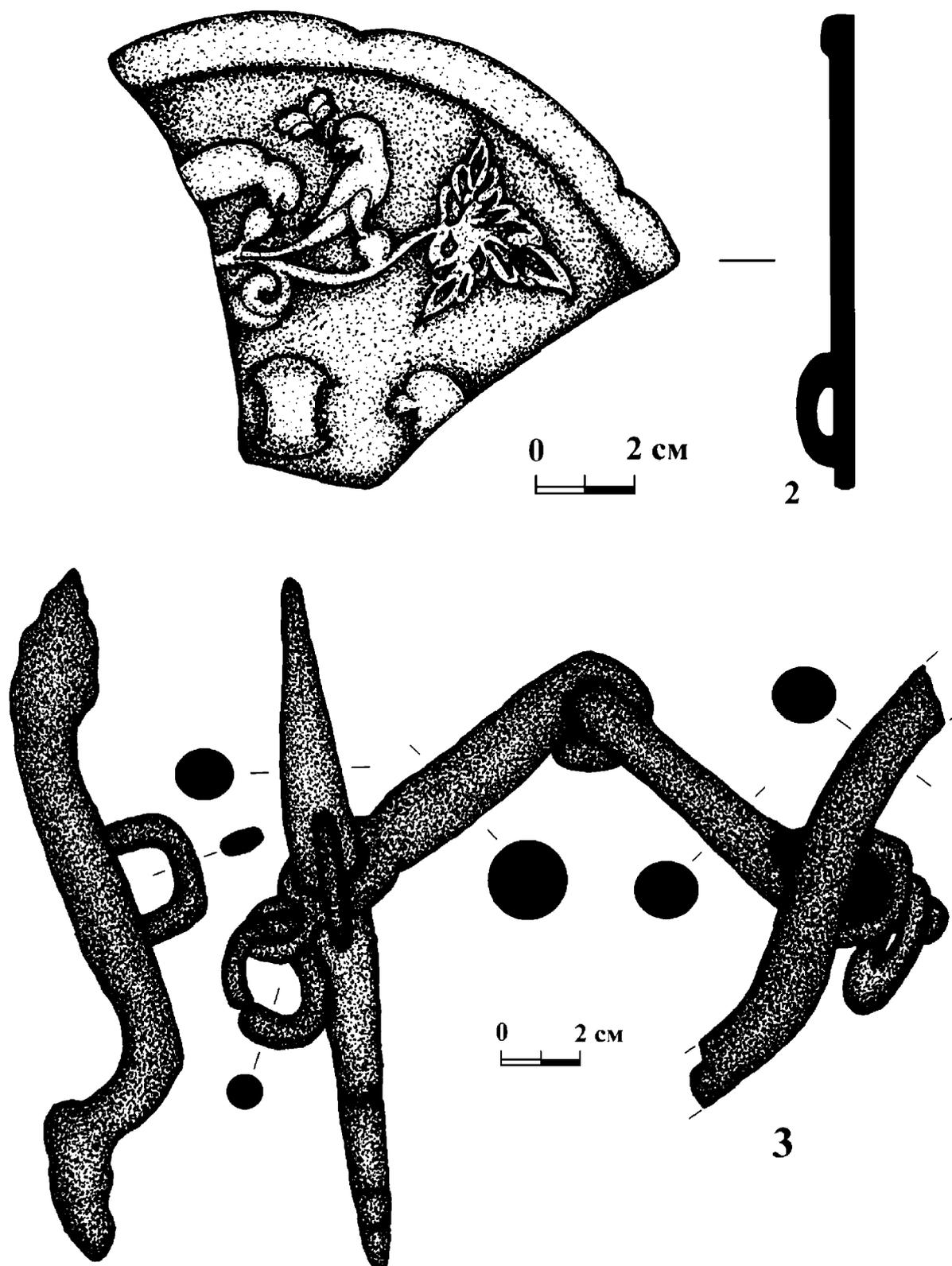

Рис. 5. Курганная группа Мусохраново-1. Курган 3:
1 – фрагмент зеркала; 2 – удила с псалиями; 1 – бронза, 2 – железо

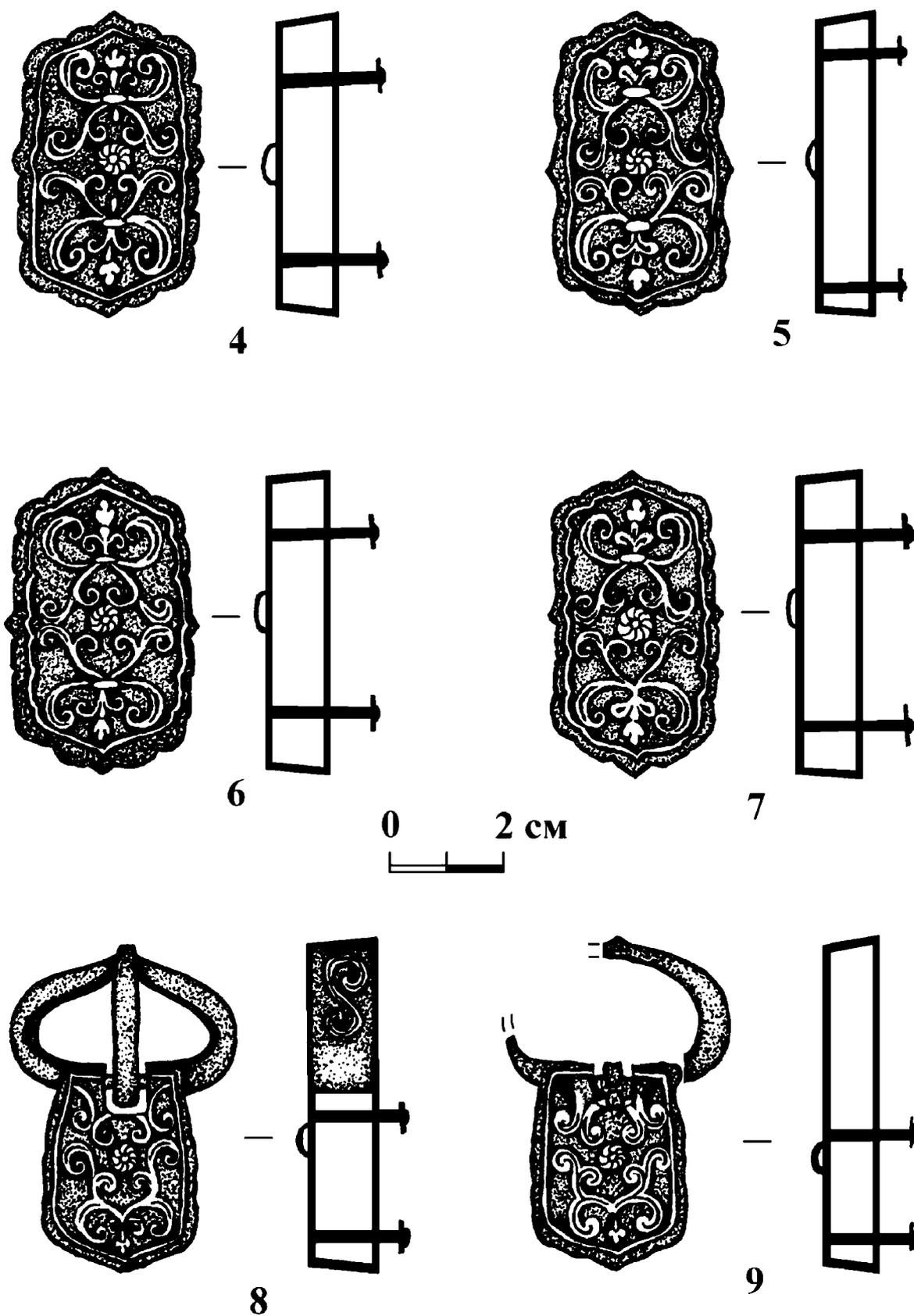

Рис. 6. Курганная группа Мусохраново-1. Курган 3: 4-7 – бляхи, 8, 9 – пряжки; 4-9 – бронза

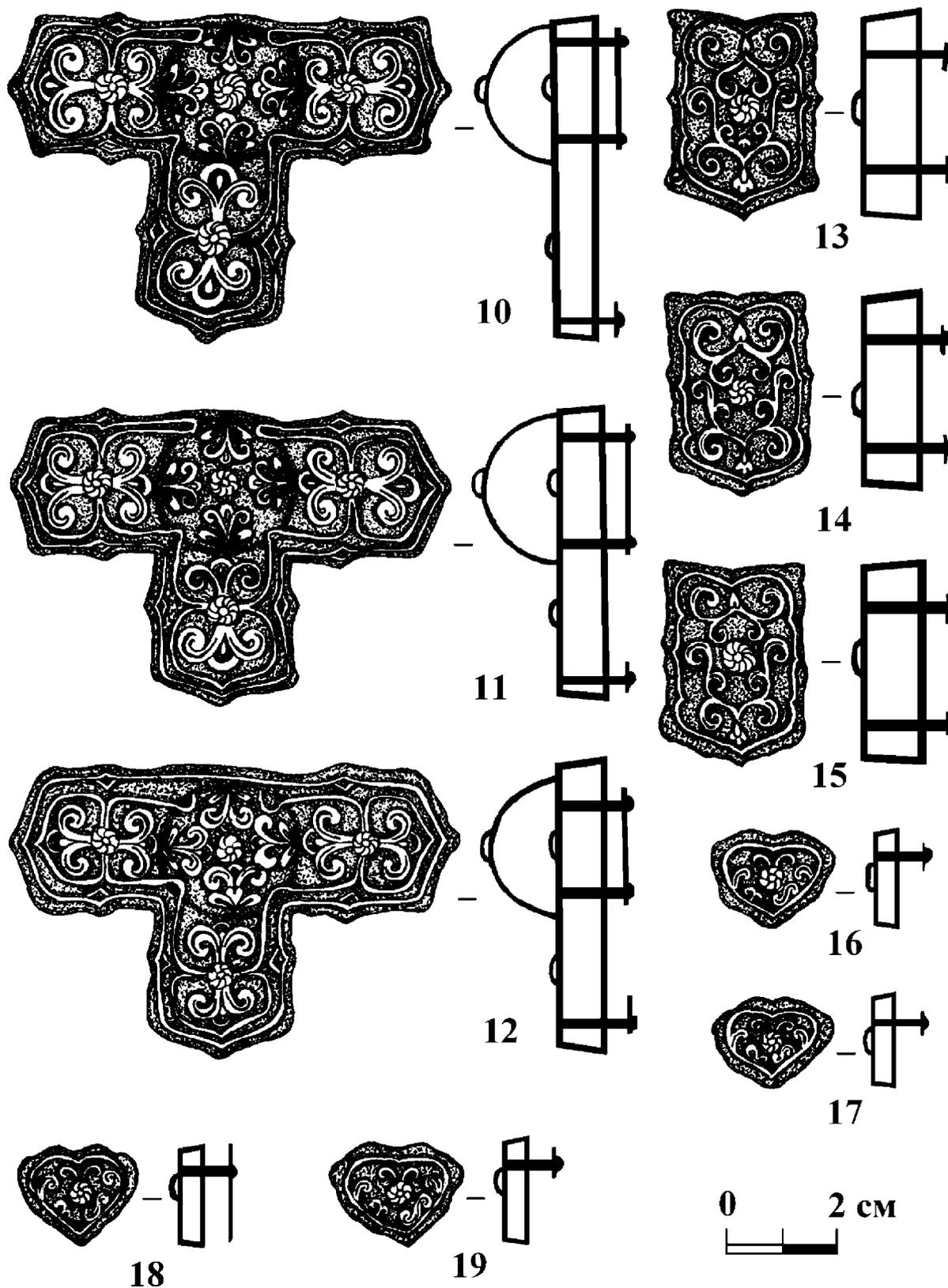

Рис. 7. Курганная группа Мусохраново-1. Курган 3: 10-19 – бляхи; 10-19 – бронза

Подобный по смыслу обычай разламывать свадебное зеркало при расставании супругов и бережное хранение его фрагментов как залога верности супругов был широко распространен в средневековом Китае [8, с. 149; 9, с. 171]. Хотя сам обычай помещения зеркала в могилу широко применяется в погребальном обряде в Китае, начиная с ханьского времени, и это было связано с представлением о том, что зеркало освещает могилу [10, р. 313]. В языческом миропонимании медное зеркало символизировало небесный свод, солнце, огонь, и ему приписывалась способность отгонять духов [11, с. 10; 12, с. 132–145]. Вероятно, последнее было присуще и средневековому населению Кузнецкой котловины. Это обстоятельство объясняет расположение фрагмента зеркала под днищем сковороды (жаровни), прикрытое материей, чтобы не было контакта с миром мертвых и плохих последствий для устроителей захоронения, зеркало, вероятно, должно было охранять погребенного от злых сил и быть источником огня в подземном мире.

Железные сложносоставные удила, которые были обнаружены в зубах обгоревших остатков черепа лошади, состоят из двух соединенных звеньев, которые имеют два неподвижных кольца-отверстия, расположенных в одной плоскости на внешних концах звеньев (рис. 3; 5.-3). Во внутренние кольца были вставлены S-образные стержневые псалии, которые крепились на этом месте при помощи скоб, а во внешние отверстия были вставлены маленькие кольцевые псалии. Такое сочетание типов удил и комбинированных псалий на территории Кузнецкой котловины встречено впервые, но отдельные детали, составляющие эту конструкцию для управления лошадью, известны в древностях этого региона с конца I тыс. н.э. до XIII–XIV вв. [3, табл. 8.-65-68; 14.-9-12; 18.-60-63; 13, с. 46–61, рис. 7.-6; 14, с. 26, рис. 37.-7; 15, рис. 25.-3; 16, с. 162–167]. Очень близкий по конструкции комплекс из удил и разных псалий был выявлен на Алтае при раскопках кургана второй половины X – первой половины XI в. на курганном могильнике Филин-1 [17, с. 137–141, рис. 2.-1].

Особый интерес представляют две бронзовые пряжки и четырнадцать различных по форме бляшек (шестиугольные, пятиугольные, сердцевидные и тройники), которые украшали узду (рис. 3; 6.-4-9; 7.-10-19). Все эти изделия были украшены стилизованным растительным орнаментом, отлиты из бронзы и подвергнуты золочению. Подобные формы бляшек и близкая по мотиву орнаментация на них были широко распространены на территории Центральной Азии в конце I – начале II тыс. [18, рис. 218.-27; 19, рис. 37.-1; 20, рис. 34.-2; 39.-1-2; и др.], но аналогии найденным изделиям нам не известны.

Отсутствие близких аналогий предметам материальной культуры не дает возможности узко датировать исследуемый комплекс. Лишь по датировке материалов из раскопок курганов 1 и 2 в 1995 г. [3, с. 38; 4, с. 25–27] и аналогиям отдельным элементам

предметов раскопанный в 2008 г. курган 3 можно предварительно датировать XI–XIII вв. Эти материалы можно включать в круг древностей АЭК, погребенных по обряду трупобожения на месте захоронения с тушей или шкурой коня XIII–XIV вв. [3, с. 105–108] и отождествлять с кругом древностей шандинской археологической культуры тюркоязычного населения Кузнецкой котловины в период развитого Средневековья.

Обряд захоронения человека и лошади с практически полной кремацией на месте погребения, зафиксированный при раскопках кургана 3, известен еще лишь в одном случае на курганной группе Мусохраново-3, которая располагается поблизости на противоположном берегу Касьмы и датируется второй половиной XII–XIII вв. [21, с. 79–106]. Первые погребения по обряду сожжения как способ приобщения к другим мирам на территории Сибири появились еще в эпоху энеолита и доживают у коренных народов этого региона до настоящего времени [22, с. 158]. На территории Кузнецкой котловины традиция использования огня при захоронении появилась в эпоху развитой бронзы у носителей андроновской (федоровской) археологической культуры [23, с. 89–95] и существовала у других групп населения этого региона вплоть до новейшего времени. На это указывают описанные факты захоронения шорцами родственников по обряду кремации на стороне [24, с. 107]. Об этом же свидетельствует информация о том, что шорцы рассматривали огонь и дым как обереги от злого духа – узюта, двойника покойного, который после погребения находился определенное время на кладбище, а затем отправлялся по дороге мертвых [25, с. 343]. Сожжение в погребальных и жертвенных ритуалах у многих народов мира было призвано выполнять две взаимосвязанные роли: во-первых, оно было способом разобщения темной и светлой субстанций; во-вторых, являлось приемом транспортировки их в иные миры. По сибирским языческим верованиям внутри человека сочетались две противоположные сущности (темная и светлая), поэтому во время погребального костра часть дыма обычно оседала внизу, а другая часть уносилась вверх на небо, в чем и проявлялся механизм разобщения и транспортировки темной и светлой субстанций [22, с. 158–160].

Зафиксированный при раскопках кургана деревянный сруб (рис. 3), сооруженный для погребения всадника и лошади, ассоциируется с жилищем в потустороннем мире. По своей конструкции оно могло повторять жилище, используемое в повседневной практике населением, которое совершило это погребение, что подтверждается археологическими и этнографическими материалами. Известно, что деревянные срубные постройки с самонесущими стенами в форме четырехугольной призмы с различным оформлением крыши, как наземные, так и углубленные в нее, использовались в качестве круглогодичных, стационарных жилищ у коренных малочисленных тюркоязычных народов Кузнецкой котловины

– шорцев и телеутов [5, с. 34, 76–78; 26, с. 112–113, 120; 27, с. 113–116]. Подобные средневековые жилища на территории Кузнецкой котловины известны по раскопкам Э.У. Эрдниева и Ю.В. Ширина [28, с. 65–66; 29, с. 32; 30, с. 14; 31, с. 36–43]. Однако вопрос о времени появления жилищ подобной конструкции на территории Западной Сибири и Кузнецкой котловины остается открытым. На основе сравнительного анализа археологических и этнографических материалов З.П. Соколова высказала предположение, что срубную технику в изготовление жилища обские угры и сибирские татары заимствовали с запада (Приуралья, Прикамья) не ранее рубежа II тыс. н.э. [32, с. 101–104]. Однако современные данные по археологии лесостепного Алтая свидетельствуют, что срубные жилища с самонесущими стенами в этом регионе Западной Сибири имели место уже в начале I тыс. н.э. [33, с. 303–306; 34, с. 192–205]. Последнее позволяет предполагать наличие срубной техники изготовления жилых и хозяйственных построек на территории юга Западной Сибири начиная с раннего железного века. К этой же эпохе восходит традиция сооружения массивных погребальных срубов, которые известны в древностях пазырыкской, тагарской и таштыкской археологических культур [35; 36; 37, с. 195–198; 38].

Совокупность изложенных данных позволяет на уровне гипотезы объяснить и реконструировать отдельные элементы погребального обряда зафиксированного нами при раскопках кургана 3 на курганной группе Мусохраново-1. В частности, для погребения всадника с лошадью было сооружено наземное срубное сооружение, имитирующее жилище в 3–4 венца с входом в восточной стороне, которое, вероятно, имело крышу из дерева и бересты. После расположения в погребальном доме трупа всадника и туши лошади, взгляды которых были ориентированы на запад, в сторону заходящего солнца, куда им предстояло проделать последний путь, крышу поджигали. Вероятно, после обрушения крыши и прогорания останков погребальный костер начинали засыпать землей, тем самым как бы разделяя две субстанции – светлую и темную. Первая вместе с дымом и языками пламени уносилась на небо, а вторая вместе с низким дымом, останками сожжения оказывалась покрытой землей и уходила в темный мир.

Этот смысл обряда трупосожжения очень хорошо раскрывают похоронные гимны Ригведы. К возносимой на небо светлой бессмертной душе арийский жрец, ведающий погребальным костром, обращается так:

*Соединись с отцами, соединишь с Ямой,
С жертвоприношениями и добрыми деяниями
на высшем небе!*

*Оставь (все) греховное, снова возвращайся домой!
Соединишь с телом в цветущем состоянии!*

После совершения акта трупосожжения древние арии собирали обугленные останки человека (темную душу) и зарывали их в землю со следующими восклицаниями:

Расступись земля!

Не дави его!

Укрой его краем своей одежды,

Как мать (укрывает) своего сына.

Растворяясь, будь твердой, о Земля!

Да будет ему здесь убежище во веки веков!

[22, с. 158–159; 39, с. 199, 203].

Сожжения всадника и лошади на месте погребения и сооружения курганной насыпи в процессе горения на территории Кузнецкой котловины сконцентрированы в долине среднего течения Касьмы, левого притока Ини. Они в различных вариациях известны на таких памятниках, как Мусохраново-3, Торопово-1 и Шабаново-3 [21, с. 79–106; 40; 41, с. 54–78;] максимальное удаление которых друг от друга не превышает 15 км. Наличие деревянного четырехугольного сруба сближает исследованный курган с курганной группой Шабаново-3, при раскопках которой в насыпях курганов были зафиксированы аналогичные конструкции из обгоревших бревен [41, с. 54–78]. Все эти памятники датированы в пределах конца XII–XIII–XIV вв. Это позволяет высказать предположение о проживании на этой компактной территории в период развитого Средневековья этнографической группы, которая являлась носителем традиции сооружения погребальных срубов, сжигаемых в процессе совершения ритуальных действий погребального обряда. На Шабаново-3 под насыпью каждого из шести курганов был зафиксирован подверженный горению деревянный погребальный сруб, а на Мусохраново-1 такой факт зафиксирован лишь в одном из трех раскопанных курганов. Не исключено, что это является сакральным противопоставлением «нашего» и «чужого» огня на уровне этнического самосознания. Таким образом, использование огня в погребальном обряде средневекового населения Кузнецкой котловины выполняло производную социальную функцию по интеграции и сегрегации, одновременно объединяя и разобщая людей, проживающих на этой территории, на таких уровнях, как семья, род и племя.

Библиографический список

1. Илюшин, А.М. Результаты раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году / А.М. Илюшин // Вестник КузГТУ. – Кемерово, 2009. – №1.

2. Кулемзин, А.М. Археологические памятники Кемеровской области / А.М. Кулемзин, Ю.М. Бородкин. – Кемерово, 1989.

3. Илюшин, А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья / А.М. Илюшин. – Кемерово, 2005.
4. Илюшин, А.М. Кузнецкая котловина в период развитого средневековья (к вопросу об этногенезе тюркоязычных аборигенов Сибири) / А.М. Илюшин // Сибирские татары : материалы Первого Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Омск, 1998.
5. Лукина, Н.В. Постройки / Н.В. Лукина, П.Е. Бардина // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 1. Кн. II: Поселения и жилища. – Томск, 1994.
6. Лубо-Лесниченко, Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины (к вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири) / Е.И. Лубо-Лесниченко. – М., 1975.
7. Литвинский, Б.А. Орудия труда и утварь из могил Западной Ферганы / Б.А. Литвинский. – М., 1978.
8. Маракуев, А.В. Фрагмент китайского бронзового зеркала в археологическом музее Томского университета / А.В. Маракуев // Ученые записки Томского государственного пединститута. – Т. III (серия гуманитарных наук). – Томск, 1946.
9. Маракуев, А.В. Китайские бронзы из Басандайки / А.В. Маракуев // Басандайка. – Томск, 1948.
10. Laufer, B. Chinese pottery of the Han dynasty / V. Laufer. – Leiden, 1909.
11. Афанасьева, А.Н. Живая вода и вещее слово / А.Н. Афанасьева. – М., 1988.
12. Ионова, Ю.В. Шаманство в Корее / Ю.В. Ионова // Символика культов и ритуалов Зарубежной Азии. – М., 1980.
13. Илюшин, А.М. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово / А.М. Илюшин, С.А. Ковалевский, М.Г. Сулейменов // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. – Кемерово, 1996. – Т. 1.
14. Илюшин, А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат / А.М. Илюшин. – Кемерово, 1993.
15. Илюшин, А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины / А.М. Илюшин // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. – Кемерово, 1997. – Т. 2.
16. Сулейменов, М.Г. Конское снаряжение в раннем и развитом средневековье на территории Кузнецкой котловины / М.Г. Сулейменов, А.М. Илюшин // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул, 2005.
17. Горбунов, В.В. Курганный могильник сrostкинской культуры Филин-1 – аварийный памятник археологии / В.В. Горбунов, А.А. Тишкин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. X. – Барнаул, 1990.
18. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках / В.А. Могильников. – М., 2002.
19. Кызласов, Л.Р. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник / Л.Р. Кызласов, Г.Г. Король. – М., 1990.
20. Тишкин, А.А. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья / А.А. Тишкин, Т.Г. Горбунова. – Барнаул, 2004.
21. Илюшин, А.М. Курганная группа Мусохраново-3 / А.М. Илюшин, М.Г., Сулейменов // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово ; Гурьевск, 1998.
22. Косарев, М.Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам / М.Ф. Косарев. – М., 2003.
23. Елькин, М.Г. Памятники андроновской культуры на юге Кузбасса / М.Г. Елькин // Известия лаборатории археологических исследований. – Кемерово, 1967.
24. Вербицкий, В.И. Алтайские инородцы / В.И. Вербицкий. – Горно-Алтайск, 1993.
25. Кулемзин, В.М. Шорцы / В.М. Кулемзин // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. – Томск, 1994.
26. Соколова, З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии) / З.П. Соколова. – М., 1998.
27. Функ, Д.А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века : историко-этнографическое исследование / Д.А. Функ. – М., 1993.
28. Ширин, Ю.В. Поселения конца I тыс. н.э. в предгорьях Кузнецкого Алатау / Ю.В. Ширин // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово, 1997.
29. Ширин, Ю.В. Многослойное поселение Казанково V / Ю.В. Ширин // Кузнецкая старина. – Вып. 4. – Новокузнецк, 1999.
30. Эрдниев, У.Э. Типы древних поселений и жилищ в верховьях р. Томи / У.Э. Эрдниев // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. – Томск, 1959.
31. Эрдниев, У.Э. Городище Маяк / У.Э. Эрдниев. – Кемерово, 1960.
32. Соколова, З.П. К истории жилища обских угров / З.П. Соколова // Советская этнография. – 1957. – №2.
33. Абдулганеев, М.Т. Кулайская культура (I–IV вв. н.э.) на территории лесостепного Алтая / М.Т. Абдулганеев, А.А. Казаков // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 1. Кн. I: Поселения и жилища. – Томск, 1994.
34. Казаков, А.А. Городище Сошниково I / А.А. Казаков // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998.
35. Вадецкая, Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири / Э.Б. Вадецкая. – СПб., 1999.
36. Мартынов, А.И. Лесостепная тагарская культура / А.И. Мартынов. – Новосибирск, 1979.
37. Мартынов, А.И. Тагарская культура / А.И. Мартынов // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. – Томск, 1994.
38. Руденко, С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время / С.И. Руденко. – Л., 1953.
39. Ригведа: Избранные гимны / пер. с санскрита. – М., 1972.
40. Илюшин, А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1) / А.М. Илюшин. – Кемерово, 1999.
41. Илюшин, А.М. Курганная группа Шабаново-3 / А.М. Илюшин // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово ; Гурьевск, 1998.